

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филологические науки». Том 15 (54). 2002 г. №4. С. 18–31.

УДК 81'243

Яценко Т. А.

ПЕРЕСЕЧЕНИИ КУЛЬТУРНЫХ КОНЦЕПТОВ: “РАДОСТЬ”, “ЦЕЛЬ” И “ПРИЧИНА”

Вопрос о принципах выделения культурных концептов и о возможности подведения одних и тех же объектов под разные концепты широко дискутируется в лингвистических работах последних десятилетий (Г. Х. фон Вригт, З. Вендлер, А. Вежбицкая, Ю. С. Степанов, А. П. Бабушкин, Н. Д. Арутюнова, Л. П. Иванова, Т. А. Космеда и др.)

Ю. С. Степанов представляет концепт как “сгусток культуры в сознании человека, то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека” [1, с.40-41]. Известно, что исследователь рассматривает `Причину` и `Цель` как единый концепт, а в словарной статье, посвященной концепту `Радость`, приходит к выводу о его тесной связи с целевой причиной [1, с.303-313]. В работах Н.Д. Арутюновой говорится о невозможности полного соответствия между членением мира и системой концептов и отмечается, что, с одной стороны, многие объекты и ситуации подводимы под разные концепты, а, с другой стороны, некоторым объектам и ситуациям не соответствует ни один концепт [2, с. 293]. Для предпринимаемого нами исследования чрезвычайно важной является трактовка культурных концептов как ментальных образований с нечёткими границами [3, с.12-13].

Новизна исследования заключается в следующем: 1) “Причина” и “Цель” рассматриваются как самостоятельные концепты (подробней в [4]); 2) выдвигается идея о концептуальном представлении “Радости” в “Толковом словаре живого великорусского языка” В.И. Даля; 3) устанавливается область пересечения исследуемых концептов; 4) нечёткость границ описываемых концептов подтверждается обращением к истории функционирования предлогов *ради* и *для*, а также к материалам украинского и польского языков.

Цели работы:

представить *ради* как языковую реализацию культурных концептов “Радость”, “Цель” и “Причина”;

— показать значение концепта “Радость” для русского языкового сознания;

— рассмотреть функционирование предлога **ради** и его синонима **для** в причинном и целевом значениях.

Материалом исследования послужили данные этимологических, толковых, переводных, лингвокультурологических словарей, “Словаря языка Пушкина”, а также тексты русской художественной литературы 19-20 вв. и записи устной речи.

Теоретическими основами статьи являются следующие положения: 1) концепт понимается нами, вслед за Г.Г. Слышкиным, как ментальная единица, которая “принадлежит сознанию, детерминируется культурой и опредмечивается в языке”, [5, 2]; 2) признание синхронной ориентации концептуальных и лингвокультурологических исследований не исключает обращения к фактам истории языка (В.Н. Телия, В.А. Маслова – [6;7]); 3) при описании культурных концептов целесообразно использование этимологических данных, а также приёмов и методов контрастивного анализа (Ю.С. Степанов).

Известно, что этимологически предлог *ради* связан с именами *рад*, *радость*. В словарной статье “Радость” [1, 303-313] Ю.С. Степанов на богатейшем сравнительном материале индоевропейских языков соотносит *ради* с именем *рад*, которое в древнюю эпоху было общим для славянского и индоевропейского ареала, о чём свидетельствует современное русское *ради* и полностью ему соответствующее древне-персидское *radiy*, которые употребляются как “последлоги” (Христа *ради*), существительное при которых стоит в родительном падеже [1, 305].

Аналогичную информацию находим и в других этимологических исследованиях. М.М. Маковский, соотнося “рад, радость, радоваться” с самыми разнообразными значениями на материале языков различных систем [20, 159 — 160], особое внимание обращает на тесную связь со значениями, которые характеризуют ритуальный акт: “быстро двигаться, совершать быстрые движения”, “брать (“давать”), “приносить жертву”, “здоровый, невредимый”, “гореть, освещать”, “мокрый” (“сакральное возлияние”), “резать, гнуть”. Автор утверждает, что русское *радость* (ср *рад*, *радостный*) первоначально имело ритуальный смысл: “радость приобщения к божеству, радость принесения жертвы, религиозный экстаз” [20, 160]. В качестве иллюстрации приводятся: “древнеиндийское *ra* -, осетинское *raddyn* “давать” (в смысле “приносить жертву”), типологически ср.: древнеанглийское *seel* “радостный, счастливый”, но готское *saljan* “приносить жертву” [там же]. В то же время указывается на связь между русскими “рад” и “радеть” (заботиться).

М. Фасмер даёт славянские соответствия “*рад*”, “*рада*”, *rado*”: украинское *радий*, *рад*, белорусское *рад*, древнерусское, старославянское *радъ*, болгарское *рад*, польское, верхне-лужское, нижне-лужское *gad* [21, т.3, 429].

Ссылаясь на исследования Траутмана, Торпа, Уленбека, Хольтзаузена, М. Фасмер считает правдоподобным родство с англосакским *rot* “радостный, благородный”, древнеисландским *rotask* “проясняться, веселеть”, англос. *rotu* “радость”.

Далее следует очень существенное замечание: “эти слова трудно оторвать от форм, приводимых на *радеть*, *ради*” [там же]. *Радеть* (“заботиться”) устанавливается как родственное древнеиндийскому *radhyati*, *radhnoti* “удаётся, справляется”, осетинскому *gad* “порядок, ряд” и др. со сходными значениями [21, т.3, 430].

Само же *ради* как предлог и послелог (чего *ради*) даётся со славянскими соответствиями: украинское *ради*, древнерусское, старославянское *ради*, *радъма*,

болгарское *ради*, сербохорватское *ради*. Устанавливаются родственные связи с древнеперсидским *radiu* “ради”, среднеперсидским, новоперсидским *rai* – то же, древнеиндийским *radhas* “милость, благословение” [там же].

Таким образом, мы видим достаточно оснований для заключения, что *ради* – это языковая реализация одного из древнейших концептов мировой культуры, отражающего отношение человека к миру – земному и Высшему.

По мнению Ю.С. Степанова, первичное значение старославянского и русского *радъ, рад* определяется как “готовый к благодеянию – его совершению или восприятию” [1, 309], см. *радити* и *радети* [1, 310]. Существительное *радость* производно от прилагательного *рад*, которое и является основным выражением понятия ‘радость’. Интересно, что в “Словаре живого великорусского языка” В.И. Даля после поговорки *Не тем богат, что есть, а тем богат, чем рад* даётся весьма примечательное толкование: “рад делиться” [22, т.4,8].

Ю.С. Степанов совершенно справедливо не принимает распространённое в лексикографических описаниях определение *радость* через *удовольствие* и разграничивает эти понятия, опираясь на работы Пеньковского: “радость” это есть внутреннее чувство, противопоставленное внешнему, физическому ощущению удовольствия” [1,304]. Вполне принимая это противопоставление, хочу добавить, что и синтагматические связи имён *удовольствие* и *радость* подтверждают разную направленность этих чувств. “*Радость*” доставляют кому-либо, приносят, дают, дарят, “*радостью*” делятся. “*Удовольствие*” получают, испытывают (доставляют удовольствие – чаще используется в значении ‘испытывать удовольствие от чего-либо’). Можно разделить чужую *радость*, но **чужое удовольствие*, как правило, отмечается, но не разделяется.

Замечу также, что *радость*, в отличие от *удовольствия*, используется в образных выражениях разного типа, что также подтверждает не только более широкий спектр значений, но и большую значимость для русской культуры отражённого в слове понятия.

“*Радость*” релятивна, *радостью* может быть не только именован другой человек, но и выражено любовное отношение к нему: *Она мне жизнь, она мне радость!* А. Пушкин. Руслан и Людмила. Не случайно выражение *моя радость* используется и как форма обращения (правда, более характерная для XIX века): — *Я бесконечно счастлив с тобой, моя радость,* — говорил он, перебирая ей пальчики. А. Чехов. Учитель словесности. Поэтому именно *радость* (а не *удовольствие*) может олицетворяться: *Его стихов пленительная сладость* Пройдёт веков завистливую даль, и, внемля им, вздохнёт о славе младость, Утешится безмолвная печаль *И резвая задумается радость.* А. Пушкин. К портрету Жуковского, 1818 г. – или уподобляется другому живому существу, чаще всего птице: *В душе её птицей пела радость.* М. Горький. Мать; — *Радость, помедли, куда ты летишь? – В сердце, которое любит!* Р. Гамзатов.

По наблюдениям Н.Д. Арутюновой, многие метафорические сочетания, включающие *радость*, порождены образом “текучих эмоций”: *человек брызжет*

радостью, его радость переливается через край (неисчерпаема, ничем не замутнена), радость бьёт ключом, захлёбывается радостью, радость испарилась (иссякла) [2, 390].

Даже в том случае, когда удовольствие входит в такое же метафорическое сочетание, что и радость: море удовольствия и море радости – “метафора радости” гораздо многомерней: *В неизбежном предчувствии горя, В ожидании осенних минут Кратковременной радости море Окружало любовников тут.* Н. Заболоцкий.

Радость может быть даже “окрашена”, например, у А.С. Пушкина с радостью сравниваются ясные небеса: *Увижу ль вновь сквозь тёмные леса И своды скал, и моря блеск лазурный, И ясные, как радость, небеса?* “Кто видел край, где роскошью природы...”, 1821.

Итак, мы видим, что обращение к синтагматике имён *радость* и *удовольствие* расширяет представление об основаниях для разграничения понятий, выраженных этими словами. “Радость” в большей степени обращена вовне, открывается миру, “удовольствие” скорее замыкается в самом субъекте. “Радость”, несомненно, входит в концептосферу русского языкового сознания как одна из основных составляющих.

Очень выразительно и тонко раскрывает Ю.С. Степанов внутреннюю форму концепта “Радость”: “Ощущение внутреннего комфорта, удовольствия бытия, возникшее в ответ на осознание (или просто ощущение) гармонии меня со средой, “забота” кого-то обо мне (это причина; причина здесь может быть и “неведомой”), и сопровождающееся моей готовностью проявить такую же заботу в отношении к другому (это – мотив, цель; как и причина, цель и её объект – “другой”, “другое” могут быть также “неведомыми”, лингвист сказал бы “референтно неопределёнными” – “другое” здесь, по отношению к которому я проявляю готовность, — это сама жизнь” [1, 312].

Такому осознанию “радости” как “счастья бытия” созвучны поэтические строки Н. Заболоцкого: *Двум мальчуганам, сверстникам её, Отцы купили по велосипеду. Сегодня мальчики, не торопясь к обеду, гоняют по двору, забывши про неё. Она ж за ними бегаёт по следу. Чужая радость так же, как своя, Томит её и вон из сердца рвётся, И девочка ликует и смеётся, Охваченная счастьем бытия.* Н. Заболоцкий. Некрасивая девочка. “Радость” (а значит и “ради” в первоначальном значении) – это прежде всего ориентация на Другого.

Рамки статьи не позволяют остановиться подробно на проблеме понимания “Другого”. Заметим только, что философский аспект этой проблемы приобретает особый смысл в концепциях экзистенциализма, когда в центре внимания находится межсубъективное взаимодействие, основывающееся на семиотических началах [2, 647]. Представим только противоположные позиции оценки “Другого”. 1. “Другой” мне чужд, враждебен и таит опасность (Ф. Ницше, Ортега Гассет): “...мы два взаимных вне, и поэтому мы радикально друг другу чужие” [8, 102; перевод – Н.Д. Арутюновой]. 2. “Другой” необходим мне, присутствие его – благо (Л.П. Карсавин, Г. Марсель, М. Бубер): “Я становлюсь со-

бой лишь через моё отношение к Ты; становясь Я, я говорю Ты. Всякая подлинная жизнь есть встреча... Никакая цель, никакое вожделение и никакое предчувствие не стоят между Я и Ты” [9, 11].

См. также противопоставление антропоцентризма и антропофилии, где последняя определяется как “переживание моментов – качественований” [10, 106] во всём многообразии их природных и неприродных форм, присущих к умалённому и неумалённому тварному единству” [11, 53]. Понятно, что *ради* соотносится со второй позицией.

Ю.С. Степанов пишет, что концепт “Радость” разработан явно недостаточно. С этим можно согласиться, но я хочу отметить, что концептуальное представление “Радости” с позиций русского (а возможно, и шире – славянского) народного сознания мы находим в “Словаре” В.И. Даля [22, т.4, 8-9], который совершенно обоснованно рассматривается в ряде современных работ и как “словарь концептов” [12, 20].

В самом определении “Радости” обращается внимание, что это “**внутреннее** чувство удовольствия, приятного, вследствие желанного случая”; в качестве противоположных по значению также называются глубоко “внутренние чувства”: *скорбь, грусть, горе, печаль*: *От радости кудри вьются, в печали секутся*. “Двойственное значение” радости и как чувства, и как названия того, что радуется, сразу же раскрывается в следующем определении “само событие или предмет, возбуждавший эти душевные чувства”: *Сказать вам радость?* т.е. радостную весть; *В один день по две радости не живёт*. “Радостью” называют и лицо, которому радуются: *Одна была радость (детище), и ту Бог прибрал!*; см. также *Моя радость* как обращение.

В.И. Даль даёт и устаревшее значение слова “радость”: “брачный пир, свадьба”, ср. в современном украинском “весілля” — “свадьба”.

В словарной статье за существительным “радость” следуют прилагательные: “*Радый, рад, радостный, радошный*, кто радуется, чувствует радость”. “Рад” в сочетании с инфинитивом получает дополнительное толкование: “*Я рад идти*, согласен, готов, мне приятно”: *Рад душу за тебя положить*. За названными прилагательными идёт глагол “*радовать*”, определяемый через причинно-следственные отношения: “*Радовать* кого, быть причиной чьей радости, веселья, удовольствия. *Мальчик радует меня успехами своими*”.

Не останавливаясь на всём материале, представленным В.И. Далем под заголовком “Радость”, только перечислим лексемы, следующие за “радовать, – ся” и предшествующие предлогу “ради”: *радованье, радователь, — ница, радovesь, радушие, радушество, радушный, радуша, радушничать, радушник, — ница; радуга, радужница, радужный, радужистый, радужная; раду(о)ница, радовница, радошница* (родительская, день поминовения усопших на кладбище на фоминой неделе); *радованцы, радованские поминки*” По поводу “радуницы” и близких к ней слов В.И. Даль делится с читателем не только своим наблюдением, но и сомнением: “По-видимому, все слова эти от *рад* – но где же тут *радость*? Не от *родитель* ли? или от *радеть*”? [22, т.IV, 8].

Заметим, кстати, что Ю.С. Степанов отмечает близость “рад” и “родить” в литовском и латышском языках. “Поскольку и по форме, и по значению литовский глагол и соответствующий латышский – лит. *rodyti*, латыш. *radīt* “указывать, показывать, являть” близки к глаголу со значением “родить, порождать” (латыш. *radīt*), то они проливают дополнительный свет на славянскую пару *радити – радъ*” [1, 311]. Ю.С. Степанов выдвигает предположение о возможности существования в праславянском языке на месте предикативного слова *радъ* глагола – аналога литовского *rastiranda* “находит” *randasi* “является на свет, становится” – в 3 л. ед. ч., нечто вроде радеть, “но его близость к глаголу со значением “родить, порождать” привела к его вытеснению и замене словом *радъ*” [там же].

Как видим, предположение В.И. Даля получает вполне научное обоснование. Вспомним также, что “Родаси” в индийской мифологии – божественные существа, символизирующие одновременно и начало рода, и радость [23, 469].

Но, возвращаясь к значению “Радоницы” в православном понимании, считаем необходимым заметить, что здесь, безусловно, присутствует и является основным значение “Поделиться Радостью Воскресения Господня со своими умершими родственниками”.

Сам же предлог *ради* семантизируется в “Словаре” В.И. Даля следующим образом: “для, по причине, на пользу в угоду”: *Ради тебя, я всё сделаю! Ради тебя не в огонь лезть. Ради общей пользы*” [22, т.4, 9].

Здесь же приводятся выражения *Просить Христа ради* и *ради Христа* со значениями “умолять”, “побираться именем Христовым”: *Дай Бог подавать Христа-ради, не приведи Бог просить!*

Именно в этих выражениях можно увидеть исконное значение *ради*, соотносимое с христианским пониманием “Радости”.

Далее следуют союзные сочетания *сега ради, того ради, чего ради* с причинным значением “по сей причине” и *чего ради? ради чего?* с целевым значением.

Таким образом, В.И. Даль выделяет в *ради*, наряду со значением “в интересах кого-, чего-либо”, значения причины и цели.

Осознать связь *ради* с *радостью* помогает наличие в статье глаголов *радить* или *радеть кому, о ком, о чём* “печься, заботиться, стараться, усердствовать; желать и хлопотать радушно, всей душой”: *Он о Храме Божьем радит, радеет* “вносит вклады, собирает”, а также *радить кому, что* “советовать, давать советы, помогать советом, наставленьем, дать ума, наумить, надоумить”: *Умному порадишь, а глупому не порадишь.*

За глаголами идёт имя *рада* “совет или помощь”: *Поддай раду!* См. также: *царская рада, казачья рада.*

Итак, мы видим, что гнездовое расположение материала, характерное для “Словаря”, позволяет увидеть богатство и значимость для русского языкового сознания понятия ‘Радость’ в целом и предлога *ради* как одну из его языковых манифестаций.

Известно, что в культурном концепте, в отличие от других ментальных единиц, которыми оперирует современная наука (понятийная категория, фрейм,

сценарий), отличается примат ценностного отношения к изображаемому объекту [2; 5]. В “Словаре” В.И. Даля, отражающем в полной мере языковое сознание русского народа, ценностное отношение к концепту ‘Радость’ проявляется в толкованиях слов, в их расположении в пределах словарной статьи, что было показано нами в предыдущем изложении, в самом иллюстративном материале.

Мы остановимся только на основном виде иллюстративного материала – поговорицах, отражающих этнокультурные стереотипы народного сознания.

Попытаемся представить на материале “Словаря” народное понимание радости:

1. “Радость” — это чувство — отношение, объединяющее людей; сердечную радость находят в отношении к другому человеку: *Моя радость в тебе, а твоя во мне; Нет лучше веселья, кому сердечная радость; Сам себе на радость никто не живёт; Кто чужой радости не рад, тот сам себе враг.*

2. “Радость” — высокое духовное чувство, до которого человеку надо иногда “дожить” и “дострадать”: *Радый не тужит; На старости дожили до радости; Богатому старость, а убогому радость; Сей слезами, радостью пожнёшь.*

3. В старости мало (или нет) радости: *Старость не радость, горб не корысть.*

4. Грешно понимать “радость” только как развлечение: *Наши радости (пotechи) перед Богом гадости; Дорадовались до греха.*

5. Шутливое, ироническое употребление слова: *У нашего старосты три радости: корова пала, изба сгорела да жена померла.*

Итак, в “Словаре” В.И. Даля мы находим понятие ‘Радость’, детерминированное русской культурой и выраженное разнообразными языковыми средствами, что позволяет сделать вывод о представлении ‘Радость’ как концепта русской культуры.

Часть языкового материала из словарной статьи “Радость” является фактами истории языка, в частности слова *радити* и *рада*, которые широко употреблялись в древнерусском языке [24, 11, 12]. При этом известно, что в современном украинском языке; в отличие от русского, слово *рада* и производные функционируют очень активно. Известна полисемия украинского слова *рада* [25, т. 8, 426-427], близкого к русскому *совет*. В первом значении “предложение, указание, как действовать в каких-либо обстоятельствах, помощь добрым словом при затруднениях; совет” (перевод авт. – Ященко) прослеживается связь с *радий*, *радість* (*рад, радость*). Но положительная коннотация, как показывает Б. Гринченко, не является постоянной: *Иниа рада гіриш, як зрада* [26, т. 4, 1]. Характерная для “Радости” направленность на доброе отношение сохранилась в фразеологизме: *дати раду кому, чому* “помочь кому, чему справиться с чем, успеть в чём, устроить что”, где положительная коннотация является компонентом семантической структуры: *Що вже вони ради дадуть*. Ном. № 7887 [26, т. 4, 1-2] См. также *дати радку: Як оженився, то вдвох дадуть радку землі*. Н-Волин [26, т. 4, 2].

Но при этом более частотно употребление отрицательной конструкции *не дати ради*: *Не дав ради дітям, не дав їм доброго вчення*. Левиц І. *Ой гвалт, сама в хаті, не дам ради кошеняті* Ном. № 8766, [с.1] см. также *не дам собі ради* “Не знаю что делать, теряю голову”. Связь *ради* с “Радостью” сохранилась в архаическом употреблении слова *рада* в высоком значении “порядок, лад”: *Нова рада, нова рада світу ся з’явила: да чиста Панна сина породила в Офлейовім місті дуже рано*. Чуб. 3. 328; *Військо стояло, ради не знало, ради не знало, Івана прохало*. Чуб. 3. 328 [26, т.4, 2].

Первое значение украинского глагола *радити* “советовать, помогать” [26, т.4, 2]. В форме совершенного вида *зарадити*, наряду с основным значением “посоветовать, помочь советом”, выделяются также: “пособить, помочь” и *зарадити чим* — “употребить с пользой, дать толк”: *Літа ж мої молодії, жаль мені за вами, а що ж бо я не уміла зарадити вами*. Мл. л. сб. 262. Здесь мы видим возможность направленности субъекта “помощи”, “добра” на самоё себя. См. также в возвратной форме глагола *зарадитися* второе значение определяется как “помочь себе”. В украинском языке есть и наречие *радо* (ср. степ. *радіше*) “с радостью, охотно”: *Та гарно, мая дитино, — одказує Мотря радо*. Мирний. [26, т.4, с.2]. Обращение к материалу украинского языка позволяет шире увидеть внутреннюю форму *ради* как предлога, соотносимого с концептом “Радость”. Представленный материал также подтверждает выразительную направленность *ради* на благо другого лица. Но в то же время мы отмечаем направленность *ради* и на благо самого субъекта, что свидетельствует о соотнесённости с концептами “Цели” и “Причины”, но об этом речь пойдёт ниже.

В современном русском языке внутренняя форма *ради* не выделяется. Предлог определяется как простой и неизменяемый [13, т.1, 707]. Но при его семантизации в современных словарях на первом месте стоит значение “в интересах кого-либо, чего-либо”: *Сделать что-нибудь ради друга* [27, 628; 28, Т.3, 579] и даются синонимичные конструкции с *для* + *Р.п.* Второе значение определяется как целевое: “с целью, в целях чего”: *Ради отдыха. Ради наживы* [27, 628] (в БАС первое место занимает целевое значение – [29, т.12, 56]). Причинное значение *ради* + *Р.п.* в МАС рассматривается как устаревшее: — *К дому нужно было идти по узким деревянным мосткам, расположенным, ради грязи, между двумя рядами широких столетних лип*. А. Куприн. Леночка. БАС даёт причинное значение третьим, причём без помет: *Карл Фёдорович воздерживался от спиртных напитков ради приливов к голове*. Фет. Ранние годы моей жизни [29, т. 12, 56-57], но, с точки зрения современных норм, такое употребление представляется архаичным. В современных толковых словарях выражения *Ради Бога, Христа ради* представляются как фразеологизированные [28, т.3, 579]

Любопытно сопоставить этот материал с данными “Словаря языка Пушкина” [30, т.3, 955-956]. Из 130 употреблений *ради* подавляющее большинство (97), приходится на сочетание *ради Бога, ради Христа, ради Господа, ради Господа Бога*, которые употребляются в двух основных значениях: 1) для усиления, подчёркивания просьбы: *Председатель. Отец мой, ради Бога, Оставь меня!*

Пир во время чумы; 2) На пожертвования, подаяния, милостыню: *У порога Нашли безумца моего, И тут же хладный труп его Похоронили ради Бога.* Медный всадник.

Среди остальных употреблений *ради* наиболее частотно (14) значение “имея в виду, принимая во внимание интересы, благо кого -, чего-нибудь”. *Вы презираете отцами, их древней славою, правами Великодушно и умно, вы отреклись от них давно, Прямого просвещенья ради, Гордясь, как общей пользы друг, Ценою собственных заслуг.* Езерский. Здесь же выделяется “во имя кого-, чего-нибудь”: *Скажу я: “Ради ваших глаз, О баронесса! Ради балов, Когда мы все глядим на вас, Взгляните на меня хоть раз В награду прежних мадригалов.* К. бар. М.А. Дельвиг, 1815.

Употребление *ради* в целевом (9) и причинном (10) значениях почти совпадает по частотности.

При представлении первого из них, помимо общего значения “с целью чего-нибудь”, выделяется и частное. “Имея целью получить, приобрести и т.п. что-нибудь: ... *Приготовляясь денег ради, На вздохи, скуку и обман.* Евгений Онегин; *Рисунок с фонтана оставим до другого издания. Печатай скорее. Не ради славы прошу, а ради Мамона.* Письмо П.А. Вяземскому. 20 дек. 1823.

Только один случай употребления *ради* в целевом значении представляется архаичным с точки зрения современного синтаксиса: *Отпусти его; за него тебе выкуп дадут; а для примера и страха ради, вели повесить хоть меня старика!* Капитанская дочка. *Страха ради* – здесь в значении “чтобы навести страх, (устрашить)” население захваченной Пугачёвым Белогорской крепости.

В иллюстративном материале употребления *ради* в причинном значении “из-за, по причине кого-, чего-нибудь” некоторые факты могут быть отнесены скорее к значению “принимая во внимание интересы кого-нибудь”, “во имя кого-, чего-нибудь”: *К стати о гадости — читал я Федру Лобанова – хотел писать на неё критику, не ради Лобанова, а ради маркиза Расина – перо вывалилось из рук.* Письмо Л.С. Пушкину. Январь (после 12) – начало февраля, 1824.

Союзные сочетания *того ради, сего ради* представляются архаичными, так же как и выражение *простоты ради*: *Ты видишь, что дитя ещё не смыслит, а ты и рад его обобрать, простоты его ради.* Капитанская дочка.

Мы видим, что, в *ради* помимо значения, “в интересах кого -, чего-либо; во имя кого, чего”, связанного с концептом “Радости”, выявляются значения, связанные с концептами “Цели” и “Причины”. Вслед за Ю.С. Степановым, развивающим идеи З. Вендлера о том, что причины являются “фактами”, существуют только в ментальном мире человека и выражены средствами языка [14], подчеркнём, что именно этим “Причина” как концепт культуры отличается от понятия “причина” в научном смысле [1, 762]. Но трудно вполне согласиться с Ю.С. Степановым в отнесённости “Причины” и “Цели” к одному концепту. Во-первых, причина связана с событиями прошлого, а цель – с событиями будущего [2, 46]; во-вторых, причина оценивается как реальное событие, а цель — как, потенциальное или желательное [13; 15]. Как “Причина”, так и “Цель” ха-

рактикуются двойственностью значения, но комбинация значений различна.

“Причина” — это 1) ситуация, вызывающая другую ситуацию (“Следствие”); 2) это сама связь между двумя ситуациями, из которых одна вызывает другую, а “Цель” — это 1) намерение, желание субъекта; 2) результат, достигаемый субъектом [16].

Представляется возможным “пересечение” ‘Причины’ и ‘Цели’ в том случае, если ситуация, вызывающая другую ситуацию, совпадает с намерением или желанием субъекта. Известен “практический силлогизм” Г.Ф. фон Вригта, выведенный при телеологическом объяснении на примере ситуации с человеком, который бежит, чтобы не опоздать на поезд. Эта ситуация, с точки зрения бегущего человека, может быть объяснена по следующей схеме:

“- А намеревается осуществить (вызвать) р.

— А считает, что он не сможет осуществить р, если он не совершит а.

— Следовательно, А принимается за совершение а” [17, 27]. В этом объяснении явно прослеживается соединение каузального и телеологического значения, т.е. соединение концептов.

Но подобное объяснение правомерно по отношению только к тем ситуациям, когда действие субъекта является контролируемым и мотивировано его намерением или желанием.

Представленные положения необходимы для дальнейшего анализа семантики *ради*.

Как видно из лексикографических описаний, при семантизации основных значений этого предлога (“в интересах кого-, чего-либо, цель, причина”) используется предлог *для*. Семантическая близость этих предлогов регулярно отмечается в грамматиках и специальных исследованиях, при этом говорится о “более высоком личностном накале” *ради* в целевом значении [16]. Думаю, что это объясняется именно внутренней формой *ради*.

Обращение к фактам истории языка показывает, что в русском языке вплоть до XIX века предлоги *ради* и *для* использовались как синонимы не только в целевом, но и в причинном значении: *Для чего царь Московский пишется в христианские государства полными большими титулами ... Что есть тому причина?* (Г. Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича); *Около трёх недель лежал я на постеле и для того не писал к вам* (Карамзин); *И того ради и от обидников вельми надлежит их охранити* (Посошков); *Того ради не мог я чрез долгое время сам в себя притти* (Тредиаковский) [18, 259-260].

В языке А.С. Пушкина *ради* и *для* используются и в причинном, и в целевом значении в текстах разных типов: *Но не разглашай этого: тут есть одно великодушье, поставленное во-первых ради цензуры, а во-вторых для вящего анонима* (Письмо по А. Вяземскому, 14 июля 1825г.) [30, т.3, 955]; *Пожелать для новоселья Много лет ей и веселья, И потом навек бежать Воевода, 1833; ... И для радости такой отпустил их всех домой. Сказка о царе Салтане ... [30 т.1, 662-665].*

Любопытно отметить, что в “Словаре” В.И. Даля *для* семантизируется как целевой предлог, но при этом в иллюстративном материале даётся и его причинное употребление [22, т.1, 440]: “предлог, требующий родительного падежа и показывающий назначение или цель действия; к, ради. *Для милого дружка и серёжку из уха*”. Приводится ряд вопросительных и ответных форм: “*Для чего, ради чего, зачем, по что, к чему, на что; для того, ради того, к тому*”. Далее следует весьма существенный для нашего исследования материал: союзное сочетание *для того, что* и его толкование через синонимический ряд причинных союзов *понеже, поелику, ибо*. Любопытно, что отрицательные формы “*Не для чего*, нечему, непочто, незачем, не нужно” также определяются через причинное значение: “Нет повода и причины”: *Мало ль можно чего, да не для чего*. Семантика сочетания *для тебя* связана с представлением о пользе: *И не по тебе, да для тебя; И не нравно, да полезно*.

В “Словаре языка Пушкина” в статье “Для” [30, т. 1, 662-663] вопрос *для чего?* и отрицательное выражение *не для чего* (незачем) определяются как целевые: - *А для чего же было тебе запирать Палашку? – спросила комендантша. Капитанская дочка; Впрочем Франция одна не сунется; Англии не для чего с нами ссориться, так авось ли выкарабкаемся*. Письмо П.А. Вяземскому, 3 авг. 1831г.

Но в то же время здесь приводятся примеры, в которых *для чего* имеет скорее причинное, чем целевое значение, т.к. речь идёт не о намеренных действиях, а о чувствах: *О, для чего печальной красотой Пленялся ты, воитель молодой? Гараль и Гальвина, 1817; Ах, русской, русской, для чего, Не зная сердца твоего, Тебе навек я предалась!* Кавказский пленник.

Заметим, что в современном польском языке вопросительное слово *dla czego* “относится главным образом к причине, основанию содержания предложения: D. To robisz? D. jesterś smulny? Nie wiadomo d [31, 116] (перевод авт. – Ященко Т.А.). Действительно, если первый из приведённых примеров можно рассмотреть и как целевой (Зачем ты это делаешь?), и как причинный (Почему ты это делаешь?), то для второго примера возможно только причинное значение (Почему ты печальный?). Но в предлоге *dla* указывается семантика цели и назначения, причинное значение характеризуется как устаревшее [там же]. В современных польско-русских словарях *dla czego*, переводится *почему, dlatego — потому; поэтому, dlatego że — потому что, но dlatego żeby — затем, чтобы*; причинное значение предлога *dla* выделяется только в устойчивой конструкции *powody, dla których... — причины, из-за которых (по которым) ...* [32, т. 1, s. 143].

В украинском языке предлогу *ради* соответствуют: *заради, ради; задля, для; ради дружбы – заради дружби; ради меня – (за)ради мене; ради развлечения – для розваги* [25, т.3, 102]. При семантизации *ради/заради* толковые словари украинского языка выделяют значения, аналогичные русскому *ради*, при этом причинное значение даётся без маркировки [25, т.3, 286; т.8, 427]: — *Як маси ти кого карати, Карай мене, — карай! Я мати, Я все стерплю ради дітей!*(Котляревський); *Не раз, ради заздрості, вона крала, чого у неї не було, а на других бачила* (Мирний). Но И.Р. Выхованец, анализируя предложную систему украинского языка, ука-

зывает, что для современного языка основным средством выражения цели является предлог *для*, а предлоги *ради*, *заради* передают семантический оттенок посвящения (укр. *присвятити*). Отмеченный рядом исследователей оттенок причины в семантике этих предлогов, по мнению И.Р. Выхованца, “отражает функционирование указанных предлогов в речи и не свойственен им как компонентам языковой системы” [19, 224] (перевод авт. – Яценко Т.А.).

Выводы:

1. Предлог/послелог *ради* представляет собой языковую реализацию одного из древнейших концептов мировой культуры, отражающих отношение человека к миру – земному и Высшему, а в современном русском языке манифестирует область пересечения культурных концептов “Радость”, “Цель” и “Причина”.

2. Культурный концепт “Радость” является важнейшей составляющей концептосферы русского языкового сознания. Анализ синтагматических связей имён *радость* и *удовольствие* позволяет расширить представление об основаниях разграничения понятий, выраженных этими словами.

3. В “Словаре” В.И. Даля ‘Радость’ раскрывается как концепт русской культуры, отражающий этнокультурные стереотипы народного сознания.

4. Обращение к материалу украинского языка позволило расширить представление о внутренней форме *ради*, соотносимого с концептом “Радость”.

Литература

1. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. М.: Языки русской культуры, 1997.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998. – 896 с.
3. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1996. – 104с.
4. Яценко Т.А. Концептуальное представление “Причины” и “Цели” в “Толковом словаре живого великорусского языка” В.И. Даля (в печати).
5. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М.: Academia, 2000. – 128с.
6. Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. М.: “Языки русской культуры”, 1999. – С. 13-24.
7. Маслова В.А. Лингвокультурология. – М., 2001.
8. Ortega – y – Gasset J. El hombre y la gente. Madrid, 1972.
9. Бубер М. Я и Ты / Пер. с нем. Ю.С.Терентьева, Н. Файнгольда, послесл. П. С. Гуревича. – М.: Высш. Шк., 1993. – 175с.
10. Карсавин Л.П. Философия истории. – СПб., 1993.
11. Сорокин Ю.А. Антропоцентризм vs. Антропофилия: доводы в пользу второго понятия // Фразеология в контексте культуры. М.: “Языки русской культуры”, 1999. – С. 52-57.

12. Вендина Т.И. В.И. Даль: взгляд из настоящего // Вопросы языкознания. – 2000. — №3. – С.13-21.
13. Русская грамматика. Т.1,2 / под ред.Н.Ю. Шведовой. – М., 1980.
14. Вендлер З. Причинные отношения. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 18. Логический анализ естественного языка. Составл. В.В. Петрова. – М.: Прогресс, 1986. – С.264-276.
15. Брицын В.М. Синтаксис и семантика инфинитива в современном русском языке. – Киев: Наукова думка, 1990. – 320с.
16. Левонтина И.Б. Целесообразность без цели //Вопросы языкознания, 1996. — №1. – С. 42-57.
17. Von Wright G. H. Explanation and Understanding. Ithacce: Cornell. Univ. Press, 1971,xvii + 230; рус. Пер.: Г.Х. фон Вригт. Логико-философские исследования. Избр. труды. М.: Прогресс, 1986. – С. 35 – 241.
18. Якубинский Л.П. История древнерусского языка. – М.: Государственное учебно-педагогическое изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1953. – 368с.
19. Вихованець І. Р. Прийменникова система української мови. – Київ: “Наукова думка”, 1980. – 286с.

Словари

20. Маковский М.М. Удивительный мир слов и значений: Иллюзии и парадоксы в лексике и семантике. – М.: Высшая школа, 1989. – 200с.
21. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. пер. с нем. и доп. О. П. Трубачёва / под ред. и с предисл. Б.А. Ларина. – 2-е изд. Стер. – М.: Прогресс, 1986.
22. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т., М., 1978 –1980.
23. Мифологический словарь / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. – М.: Сов. Энциклопедия, 1991. – 736 с.
24. Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. Репринтное издание. – т.3, ч.1. – М.: “Книга”, 1989. – 910с.
25. Словник української мови. – т.7. – Київ: “Наукова думка”, 1976.
26. Грінченко Б. Словарь української мови. – т.4. — Київ: “Кієвская Старина”, 1909.
27. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений /Российская АН; Российский фонд культуры. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: АЗЪ, 1994. – 928с.
28. МАС – Словарь русского языка: В 4-х т. /АН СССР, Ин-т русского языка /под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1981-1984.
29. БАС – Словарь современного русского литературного языка. – т.12. – М., Л., 1961.
30. Словарь языка Пушкина: в 4-х т./Отв. ред. акад. АН СССР В.В. Виноградов. – 2-е изд., доп. / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. — М.: Азбуковник, 2000.

31. Mały Słownik języka polskiego /Pod red. St. Skorupki, H. Auderskiej, Z. Łempickiej. — Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1974- 1035 s.

32. Hessen D., Stypuła R. Wielki słownik polsko — rosyjski. — w 2 t. — Warszawa: „Wiedza Powszechna”, 1998.

33. Російсько-український словник: У 3-х т. Вид. друге, виправл. — Київ, Головна редакція Української радянської енциклопедії, 1983.

34. Mirowicz A., Dulewicz J., Grek-Pabis J., Maryniak J.- Wielki Słownik rosyjsko-polski.- w 2 t. — Warszawa — Moskwa: Wiedza Powsechna. — Sowietskaja Encyklopedia, 1970.